

Борис Бим-Бад

БЫЛЬ ОБ АРТУРЕ ВЛАДИМИРОВИЧЕ ПЕТРОВСКОМ

Имя Артура Владимировича Петровского, который был на 17 с половиной лет старше меня, впервые появилось в моей жизни как имя соавтора (с Г. А. Фортунатовым) учебника психологии, который был введён в обязательный учебный план средней школы. Было это более полувека назад, но с тех пор наука психология и учебник А. В. Петровского о ней практически нераздельно существовали в моём сознании.

Ещё через некоторое время, будучи студентом пединститута, я увидел в книжном магазине на Кузнецком мосту «Беседы о психологии» А. В. Петровского. Знакомое имя! Немедленно приобрёл нетолстый том в твёрдом переплёте и с удовольствием проглотил его.

А потом я сдавал вдруг материализовавшемуся Артуру Владимировичу экзамен по психологии. И опирался не только на учебники, но и на эти популярные «Беседы». Полезное, доложу я вам, дело – читать студенту добротную литературу для начинающих.

Когда же (с апреля 68-го) я стал научным сотрудником Академии педагогических наук, встречи и пересечения с Артуром Владимировичем приобрели весьма частый характер: на общих собраниях академии, в РИСО (редакционно-издательский совет), на конференциях.

Для одновременного с работой в академии учительствования мне доводилось читать и частично конспектировать труды А. В. Петровского. Так, вышедший в 1973 году под его редакцией коллективный труд «Возрастная и педагогическая психология» посеял во мне разумную и добрую мысль о пользе для самих подростков знаний по психологии подростка. Мысль эта крепла по мере накопления педагогического и недавно получила форму «психологических возрастных зеркал».

Реальное моё сотрудничество с Артуром Владимировичем началось в 1988 году в рамках Временного научно-исследовательского коллектива (ВНИК) «Школа». И объём, и интенсивность нашей совместной работы постоянно шли по нарастающей, пока не переросли в тесную личную дружбу и даже дружбу семьями. Когда я был ректором Университета РАО, Артур Владимирович оставил пост президента Российской академии образования. Он стал моим штатным советником: читал лекции и помогал строить психологический факультет университета.

В последние несколько лет отпущенной Артуру Владимировичу жизни мы почти каждый день беседовали. Правда, только по телефону, поскольку посещать дома друг друга стало слишком трудно. Именно беседовали, а не «перезванивались». Немало книг обсудили, а проблем – пропасть.

Прекрасное это изобретение – телефон: с помощью его и магнитофона мы записали ряд последних статей и даже фрагментов книг Артура Вла-

димировича: в старости он утратил зрение и потерял возможность фиксировать свою речь письменно.

Ряд статей в журналы и в Большую Российскую энциклопедию мы совместно написали именно так, по телефону.

Короче: мне посчастливилось не просто хорошо знать нашего юбиляра, но сотрудничать с ним и даже дружить.

Как-то в 90-х годах мы решили попутешествовать по Америке: посетить разные штаты, побывать в университетах и школах. Начали с Денвера, Колорадо. Потом переместились в Техас, затем – в Вашингтон. Здесь 13 сентября 1993 года нас, мирно бредущих по какой-то улице, чуть не сбили автомобили охраны, на безумной скорости сопровождавшей в Белый дом то ли Ицхака Рабина, то ли Ясира Арафата для подписания мирных соглашений.

Потом мы полетели в Миннесоту, из Сент-Пола добрались до Нью-Йорка, откуда рукой подать до Москвы.

В целом мы пробыли в Штатах около месяца. Артур Владимирович читал лекции по-русски. Я переводил. Это, кстати, позволило мне тоже прочитать пару докладов и поучаствовать в дискуссиях. Артур Владимирович считал, что не умеет говорить по-английски, что едва в силах разобрать какую-нибудь деловую бумагу или адаптированную детскую сказку.

К концу нашего пребывания в Штатах у Артура Владимировича внезапно актуализировался латентный английский и в застольях, после одной-двух рюмок, он смело произносил длинные тосты. Это граничило с чудом. Мой старший друг уверял меня, что никогда не изучал английского языка, ни в школе, ни после. Неужели он обрёл чужеземную речь во время месячного пребывания в иноязычной среде?!

Полагаю, что его спичи составились из вокабул, отрывочно и случайно сохранившихся в его памяти из подстрочных примечаний в различных книгах, из контекстных значений отдельных звуко сочетаний, которые он уловил в речи наших собеседников. Артур Владимирович синтезировал разрозненные лексемы, нанизывал их на стержень своей мысли и создавал впечатление свободного потока речи, вполне спонтанного. Разумеется, ему пришлось следовать грамматическим законам чужого языка, что представляется мне особенно загадочным.

Лингвистические способности Артура Владимировича были феноменальными. Незадолго до своего ухода он попросил меня проверить орфографию латинского слова «якорь». Оказывается, ему понадобилась некая латинская фраза, в которую входило сие слово. «Вычитал эту фразу в детстве», – сообщил он.

В детстве Артур Владимирович читал необычайно увлечённо и много. Его отец был крупным библиографом, да и мать дружила с книгой до последнего дня жизни. «Торик (вероятно, принятое в семье сокращение от «Артурик»), – обращалась она к сыну по возвращении его с работы в Президиуме Академии педагогических наук. – Может, тебя заинтересует эта статья в “Новом мире”? Мне она показалась весьма любопытной».

Немудрено, что сын вырос великим книголюбом. Огромная и тщательно подобранная библиотека в его доме не бездействовала. Справочные

издания, русская и всемирная классика, современные издания, много поэтических произведений, специальная литература...

У Артура Владимировича был абсолютный лексический слух и высокоразвитое грамматическое чутьё. Не подлежит сомнению – он настоящий стилист, безупречно работавший в самых разных жанрах. Научный стиль его был строг, пародии остроумны, публицистика истинно злободневна, а художественные зарисовки сдобрены юмором и притом драматичны.

Легко переходил мой удивительный друг от стиля докладной записки во властные инстанции к рецензии на автореферат, от неё – к поздравительному письму. Все жанры в гости были к нему, и каждый мог похвастаться «лица необщим выраженьем».

Как учёного и организатора науки Артура Владимировича по-настоящему стали характеризовать и оценивать сравнительно недавно: «Лицом к лицу *Лица не увидать. Большое видится на расстоянье*».

По убеждению моему, идеи Артура Владимировича чрезвычайно плодотворны и поэтому психологическое сообщество не может не развивать их.

Мне особенно дорог его прощальный подарок человечеству – проект «хронопсихологии» (так Артур Владимирович назвал сравнительную социальную психологию времени). Опорный принцип развёртки «хронопсихологии» – в признании психологической двойственности исторического времени. А. В. Петровский писал о том, что личная биография человека не только пронизана токами исторического времени, но и уникальна, поскольку «зачастую течет по своей собственной траектории, обходя ловушки, расставленные историческими обстоятельствами». Оглядываясь на свою жизнь, осмысливая жизни сверстников и наших предшественников, я всё чаще задумываюсь именно над этим: «Как не попасть в ловушку исторических обстоятельств?».

Последняя книга А. В. Петровского «Психология и время» – это подлинный опыт хронопсихологии. Новеллы, образующие главы этой книги, посвящены судьбам ученых, писателей, педагогов, режиссеров, артистов, политиков, общественных деятелей, с которыми автор книги был связан личными и деловыми узами, а также – судьбе российской психологии «на обочине особого пути» развития нашей страны.

Опыт хронопсихологии А. В. Петровского в силах вдохновить талантливых исследователей на подобные изыскания и в будущем. А они нам – поверьте мне, историку педагогики – ой как нужны...

Сейчас, когда я пишу эти строки, я все более отчетливо понимаю тотальность и особую ценность «эры Петровского» в моей жизни. Это была эра практически непрерывного содержательно-делового и дружески-душевного общения.

Таких друзей мало случалось на моём веку. Однажды он спас от смерти мою жену, подсказав простой и эффективный способ останавливать носовые кровотечения (она страдала тяжелым заболеванием крови), которого не знала тогдашняя медицина. Именно Артур Владимирович настоял на защите мной докторской диссертации и на переезде моём из шумного и задымлённого района в зелёный и тихий округ Москвы.

Неоценимо помог этот прозорливый, ответственный человек и в университетском строительстве. По его инициативе созданный мной прежде Российский открытый университет был превращён в Университет Российской академии образования (УРАО) с центром в старинном особняке на Большой Полянке. Привлёк Артур Владимирович на психологический факультет университета многих талантливых психологов. И важнее всего – Артур Владимирович сам читал на факультете и проводил практические занятия.

О себе Артур Владимирович говорил: «Я человек тревожный». На самом деле он был «вперёдсмотрящим» – предусмотрительным, предвидящим трудности и проблемы и безотлагательно предотвращающим опасности.

Он страстно заботился о родных, близких и друзьях. Страстно увлекался идеями. Страстно откликался на загадки человеческой природы и на научные обсуждения. Это был человек неуёмных страстей.

Через все годы своей жизни – со времени возвращения с войны и до последнего инфаркта – пронёс он любовь к жене, другу, помощнице, матери его детей – Иветте Сергеевне Петровской.

Как популяризатора науки и мастера слова Артура Владимировича я поставил бы рядом с Айзеком Азимовым и Эрихом Фроммом. В его руках было сильнейшее орудие – эмпатия вкупе с мощным творческим воображением. Как очень немногие, он умел ставить себя на место предполагаемого читателя или (и) собеседника и, не теряя в интеллектуальной честности, обсуждать с ним самые сложные проблемы.

Благодаря этим способностям учёный психолог А. В. Петровский становился образно мыслящим артистом.

Будучи научным консультантом известного фильма Ролана Быкова «Чучело», Артур Владимирович крепко сдружился с Быковым. Их обсуждения вопросов искусства, свидетелем которых мне довелось быть, – это беседы учёного с художником, двух умных мастеров-артистов. Беседы, что называется, на равных.

Бойцовские качества Артура Владимировича, свойственные ему всегда (я имею в виду борьбу с тяжёлыми обстоятельствами), проявились и в глубокой старости, когда его постигла слепота. Дряхлый, немощный и незрячий, он сочинял свои тексты в уме, диктовал их, в частности, и мне, по телефону. Я записывал его диктовки на диктофон, расшифровывал текст, посылал его родным. С их помощью он дорабатывал тексты на слух и снова диктовал мне. После нескольких итераций он признавал новые тексты готовыми.

Быль об Артуре Владимировиче Петровском – сказ про богатыря духа.

